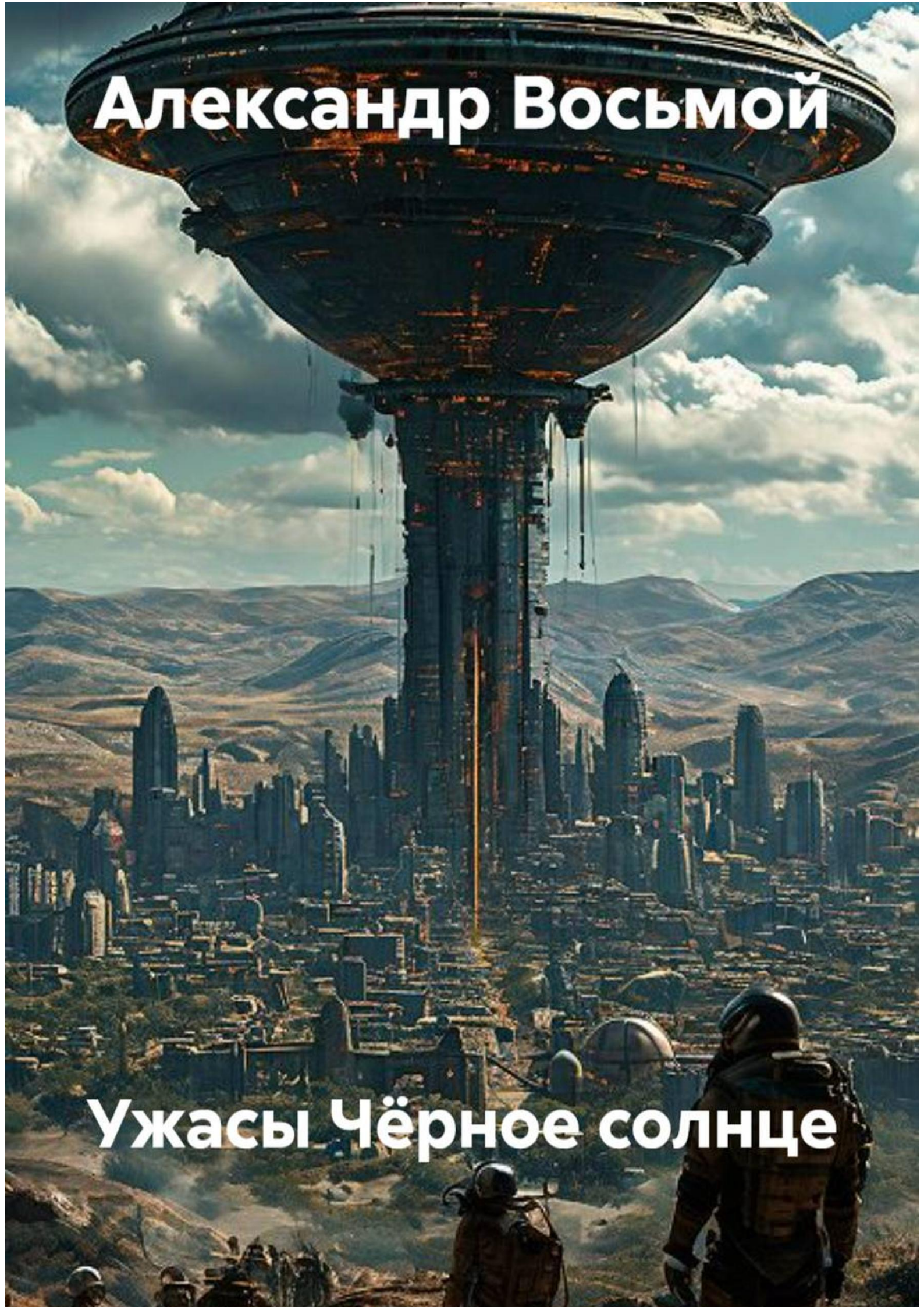

A movie poster for 'The Iron Giant'. At the top, a large, rusted, and weathered flying saucer hovers in a blue sky with white clouds. A thick, rusted metal column extends from the saucer down to a city. The city is a dense collection of tall, dark, industrial-looking buildings. In the foreground, two soldiers in brown armor and helmets are seen from behind, looking out over the city. The overall tone is dramatic and epic.

Александр Восьмой

Ужасы Чёрное солнце

Александр Восьмой
Ужасы Чёрное солнце

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы Чёрное солнце / А. Восьмой — «Автор», 2026

Чёрное солнце. Астрономы фиксируют появление странного объекта — сферы, поглощающей свет и радиосигналы. Когда к ней отправляют зонд, он передаёт изображение: внутри сферы — не пустота, а город, построенный из теней. Экспедиция проникает внутрь и понимает, что «чёрное солнце» — это не небесное тело, а гигантский разум, который коллекционирует цивилизации, превращая их в эхо собственных мыслей. Эпичная драма о столкновении с непостижимым масштабом.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы Чёрное солнце

Глава 1. «Тень на линзе»

В обсерватории «Северный предел», втиснутой между ледяных пиков и бесконечного неба, ночь была такой же плотной, как тьма за пределами звёзд. На мониторах бежали строки данных, а в воздухе висел запах озона и нервного напряжения — будто сама атмосфера знала, что сегодня что-то сломается.

Доктор Кира Морита не отрывала взгляда от главного экрана. Её пальцы замерли над клавиатурой, будто боялись подтвердить то, что уже было очевидно. На фоне звёздного поля зияла аномалия — идеально круглая прорезь в реальности. Она не отражала свет, не рассеивала его, не преломляла. Она просто... забирала. Как чёрная дыра, но без гравитационного танца материи. Без красивого хаоса. Только тишина.

— Это не облако пыли, — тихо сказала Кира, скорее себе, чем сидящему рядом аспиранту. — И не газовый сгусток. Мы бы видели спектр. А тут — ноль. Ни инфракрасного, ни радио. Даже космический фон будто обтекает это пятно.

Аспирант, бледный и слишком молодой для таких открытий, сглотнул.

— Может, сбой матрицы? Или артефакт обработки?

Кира покачала головой. Она уже проверила. Трижды. Данные с трёх разных телескопов сходились в одной точке. Сфера росла. Медленно, но неумолимо. За последние двенадцать часов её диаметр увеличился на три процента. Не ошибка. Не иллюзия.

В конференц-зале, куда их вызвали через пять минут, воздух был тяжелее, чем в горах. Здесь собрались не романтики космоса, а люди, привыкшие взвешивать риски в терминах «возможных потерь» и «уровней угрозы». Генерал Харченко смотрел на проекцию так, будто пытался просверлить её взглядом.

— Значит, это не метеорит, не комета, не облако. Это... объект. С чёткими границами. И он растёт.

Учёные переглянулись. Никто не хотел быть тем, кто произнесёт вслух самое страшное.

— Мы не можем утверждать, что это искусственное, — осторожно начал профессор Ленц. — Но и естественное объяснение пока не работает.

— А если это оружие? — спросил кто-то из военных. — Или... щит?

— Или ловушка, — тихо добавила Кира. Слова повисли в воздухе, как ледяные иглы.

Решение приняли быстро. Слишком быстро, как всегда бывает, когда страх перевешивает осторожность. Зонд. Маленький, быстрый, напичканный датчиками и камерами. Его задача — подойти на минимальное расстояние, сделать снимки, передать данные. И вернуться.

Пока техники готовили запуск, Кира стояла у окна и смотрела на рассвет, который казался слишком обычным для такого дня. Солнце поднималось, золотя пики, а где-то там, в холодной пустоте, нечто пожирало свет.

Запуск прошёл гладко. Зонд ушёл в небо, как серебряная стрела, и растворился в синеве. На экранах потянулись строки телеметрии. Всё в норме. Скорость. Траектория. Системы работают.

И вдруг — тишина.

Не сбой. Не помехи. А именно тишина. Как будто кто-то выключил звук во всей Вселенной.

Потом экран моргнул. И показал изображение.

Это была не пустота. Не чёрная бездна. Внутри сферы был город.

Он не был построен из камня или металла. Он был соткан из теней. Дома изгибались под невозможными углами, улицы пульсировали, будто живые, а небо... неба не было. Только бесконечная, густая тьма, в которой мерцали чужие созвездия — не те, что знали астрономы.

На несколько секунд в зале воцарилась мёртвая тишина. Потом кто-то закричал. Кто-то бросился к телефону. Генерал Харченко сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Это невозможно, — прошептал Ленц, будто пытаясь убедить самого себя.

Но изображение говорило обратное.

А потом, в самом конце передачи, перед тем как сигнал окончательно исчез, на экране мелькнула строка текста — не из бортового журнала, не из заранее записанных сообщений. Она появилась сама.

«Мы ждали вас».

Кира почувствовала, как по спине пробежал холод, который не имел ничего общего с температурой в комнате. Это не был природный феномен. Не случайность. Не ошибка космоса.

Это было приглашение. Или приговор.

Когда экраны погасли, в зале стало темнее, чем должно было быть. И каждый из них понял: они уже не просто наблюдали за аномалией. Они стали её частью.

Глава 2. «Последний сигнал зонда»

Зонд «Орион-7» шёл к границе сферы, как лезвие сквозь застывший янтарь — ровно, без рывков, будто космос сам не хотел тревожить эту тьму. На центральном пульте в Центре управления полётами бежали строки телеметрии: скорость, ориентация, температура, уровень заряда. Всё в норме. Слишком в норме для того, что ждало впереди.

Кира Морита стояла позади операторов, скрестив руки, и пыталась не дышать слишком громко, чтобы не сбить ритм комнаты. Здесь каждый звук имел вес. Шуршание бумаги, стук клавиш, тихий кашель — всё складывалось в партитуру ожидания, где кульминация должна была прозвучать с секунды на секунду.

— Подход к границе в тридцать секунд, — ровным голосом произнёс старший оператор, не отрывая взгляда от экрана. — Начинаем запись всех спектров. Включаем камеры высокого разрешения.

На большом экране сфера висела в космосе, как чёрная монета, вырезанная из самой ткани пространства. Её край был не размытым, а чётким — идеально ровная линия, где свет просто переставал существовать.

— Десять секунд, — продолжил оператор. — Пять... три... две... одна... Контакт.

В этот момент экраны мигнули. Не сбой, а будто кто-то на мгновение прикрыл объектив ладонью. Потом картинка вернулась — но изменилась.

Сначала это выглядело как искажение: перспектива поплыла, линии домов на кадрах изогнулись, будто стекло, через которое смотрели, было жидким. Потом стало ясно: это не дефект съёмки. Это реальность внутри сферы была другой.

Город из теней.

Дома стояли под углами, невозможными для привычной физики: стены пересекались сами с собой, крыши уходили вниз, а не вверх, улицы извивались, как живые змеи. И они действительно двигались — не от ветра, не от сейсмики, а сами по себе, будто город дышал. Пульсировал. Наблюдал.

— Это... невозможно, — прошептал кто-то рядом с Кирой.

Она не ответила. Её взгляд был прикован к экрану, где камера медленно поворачивалась, захватывая панораму. В кадре мелькнули фигуры — не люди, не животные, а сгустки тьмы, принимающие очертания, которые мозг пытался распознать и не мог. Они были похожи на силуэты, вырезанные из ночи, и в то же время — на что-то знакомое, будто искажённые воспоминания.

— Передавай всё в реальном времени, — скомандовала Кира, хотя никто не просил её вмешиваться. — Каждую миллисекунду. Каждую деталь.

Оператор кивнул, его пальцы дрожали над панелью.

И тут из динамиков раздался голос — не синтезированный, не записанный заранее, а живой. Голос оператора, который следил за зондом с самого старта, сидел в соседней комнате и теперь кричал так, что в голосе звенел чистый, первобытный ужас:

— Оно смотрит! Оно смотрит прямо на меня! Я чувствую... я чувствую, как оно читает...

Фраза оборвалась на полуслове. Не щелчком, не помехами — а будто кто-то выдернул вилку из розетки во всей Вселенной.

Связь пропала.

На экранах осталась только картинка — застывший кадр, где в центре улицы, изгибающейся спиралью, стояла фигура. Не тень. Не силуэт. А пустота, которая имела форму человека. И она действительно смотрела. Прямо в камеру. Прямо в глаза тем, кто смотрел на экран.

Тишина в зале стала физической — её можно было потрогать, она давила на уши, на грудь, на разум. Потом кто-то закричал. Потом ещё один. Потом комната взорвалась голосами, командами, вопросами, которые никто не мог ответить.

А кадры уже летели по сети. Через пять минут они были везде: на новостных сайтах, в соцсетях, в закрытых чатах спецслужб. Люди замирали перед экранами, не веря своим глазам, а потом начинали делиться, комментировать, строить теории. Мир, который ещё утром был привычным, вдруг стал чужим.

Паника нарастала волнами. На улицах собирались толпы, кто-то молился, кто-то кричал, что это конец, кто-то пытался уехать, хотя ехать было некуда. Правительства разных стран созывали экстренные совещания, военные приводили части в боевую готовность, учёные пытались найти объяснение, которое не звучало бы как бред сумасшедшего.

Через двенадцать часов после потери связи был объявлен набор в экспедицию. Официально — для исследования аномалии. Неофициально — чтобы узнать, что там, внутри, и можно ли это остановить.

Добровольцев оказалось пугающе мало.

Те, у кого были семьи, не хотели оставлять близких в мире, который мог рухнуть в любую секунду. Те, кто верил в чудо, надеялись, что всё обойдётся. А те, кто слишком боялся, просто не могли заставить себя поднять руку.

В итоговый список вошли те, кому терять было почти нечего, и те, кого любопытство жгло сильнее страха. Среди них — Кира Морита, потому что она первой увидела сферу и первой поняла: если кто-то должен туда пойти, это должна быть она. Рядом с ней оказался капитан Арден — бывший пилот, потерявший экипаж в катастрофе и теперь готовый рискнуть всем, чтобы доказать, что судьба не сильнее воли. И доктор Фейн, учёный с репутацией безумца, который верил, что непостижимое можно понять, если смотреть на него достаточно долго.

Когда список утвердили, в зале снова включили тот самый кадр — тот, где фигура в центре улицы смотрит прямо в камеру. И на этот раз никто не кричал. Все просто смотрели, будто пытаясь разгадать, что скрывается за этим взглядом.

«Мы ждали вас», — всплыла на экране строка из последнего сообщения зонда, словно насмехаясь над их решимостью.

Кира сжала кулаки. Она не знала, что ждёт их внутри сферы. Не знала, смогут ли они вернуться. Но она знала одно: если не пойти сейчас, мир никогда не будет прежним. И лучше встретить тьму лицом к лицу, чем ждать, пока она придёт сама.

Корабль «Горизонт» готовился к старту. За иллюминаторами мерцали огни космодрома, а в небе, там, где должна была быть звезда, зияла чёрная прорезь — сфера, которая уже не просто наблюдала. Она ждала.

Глава 3. «Переход сквозь чёрную грань»

Корабль «Горизонт» шёл к границе сферы, будто к краю мира. За иллюминаторами звёзды гасли не по одной — они исчезали целыми созвездиями, словно кто-то аккуратно вырезал их из неба ножницами из тьмы. На капитанском мостике воздух стал густым, как сироп, и каждый вдох давался чуть тяжелее, будто сама атмосфера сопротивлялась вторжению.

Капитан Арден сидел в командирском кресле, не сводя глаз с главного экрана. Его пальцы лежали на панели управления, спокойные и твёрдые — но Кира знала, что это спокойствие было выстроено, как крепость: кирпичик за кирпичиком, через годы тренировок и потерь. Рядом доктор Фейн бормотал формулы, будто пытался заклинанием удержать реальность на месте.

— Тридцать секунд до границы, — произнёс навигатор, голос его звучал странно, будто доносился сквозь толщу воды. — Все системы в норме... пока.

Кира стояла у боковой панели, вцепившись в поручень так, что побелели костяшки. Она смотрела не на приборы — она смотрела на саму грань. Чёткую, чёрную, идеально ровную линию, где космос обрывался. Не расплывался, не таял — а именно обрывался, как страница, вырванная из книги.

— Десять секунд, — продолжил навигатор. — Девять... восемь...

На панели начали происходить странные вещи. Компас закрутился, как сумасшедший, стрелка металась по кругу, будто не могла решить, где север. Часы на стене замерли — не просто остановились, а будто забыли, что должны идти. Цифры застыли на 03:17, и даже секундная стрелка не шевелилась, словно время внутри этой зоны потеряло смысл.

— Пять... четыре... три...

Экраны мигнули. И вместо телеметрии на них вспыхнули обрывки изображений: лицо матери Киры, старое, из детства; разрушенный ангар, где когда-то разбился корабль Ардена; лаборатория Фейна, залитая светом, которого там никогда не было. Это были не записи, не архивы — это были воспоминания. Их воспоминания. И сфера показывала их всем, без спроса, без жалости.

— Два... один... Контакт.

Корабль пересёк границу.

И мир сломался.

Сначала это было похоже на сбой матрицы: линии коридоров поплыли, углы стали слишком острыми, тени — слишком густыми. Потом началось настоящее. Пространство исказилось, как отражение в кривом зеркале, только это зеркало было живым. Оно дышало. Оно смотрело.

В коридоре за пределами мостика что-то шевельнулось. Не фигура, не человек — просто сгусток тьмы, который принял очертания, слишком похожее на то, чего ты боялся больше всего. Кира почувствовала, как по спине пробежал холод, не от температуры, а от понимания: сфера не просто меняла пространство — она вытаскивала страхи наружу, делала их материальными, давала им форму и голос.

На мостике поднялся шум. Техник закричал, указывая на экран, где вместо маршрута мелькали сцены, которых не могло быть: руины городов, которых никто не строил, битвы, в которых никто не сражался. Доктор Фейн пытался что-то объяснить, но его слова рассыпались, как сухие листья на ветру.

— Спокойно! — голос капитана Ардена ударил по комнате, как хлыст. Он встал, выпрямившись во весь рост, и его фигура вдруг стала центром этой бури. — Держать позиции! Это не реальность — это иллюзия. Сфера играет с нами. Не давайте ей власти над вашим разумом!

Но слова не всегда могут удержать страх.

Учёный по имени Элиас, тихий, незаметный, тот, кто всегда держался в тени и говорил только по делу, вдруг попятился к двери. Его глаза были расширены, зрачки поглотили радужку, он смотрел не на команду, а сквозь них — на что-то, что видел только он.

— Нет, нет, этого не может быть, — шептал он, пятясь по коридору. — Я не хотел... я не делал этого...

Он врезался спиной в стену, которая вдруг изогнулась, как живая, и тень, лежавшая в углу, потянулась к нему длинными, тонкими пальцами.

— Элиас! — Кира рванулась вперёд, но коридор между ними растянулся, как резина, и расстояние стало бесконечным.

Элиас закричал. Один короткий, отчаянный крик, который оборвался, будто кто-то выключил звук. И тень поглотила его. Не разорвала, не ударила — просто втянула в себя, как вода впитывает каплю чернил. На том месте, где он стоял, осталась только лёгкая рябь в воздухе — и тишина.

Тишина, которая была громче любого крика.

«Горизонт» дёрнулся, будто налетел на невидимую преграду, и остановился. За иллюминаторами не было космоса. Не было звёзд. Не было неба.

Был город.

Город из теней.

Дома росли из тьмы, как сталагмиты, изгибаясь под углами, которые ломали логику. Улицы пульсировали, будто под тонкой кожей бился чужой пульс. Окна были чёрными провалами, в которых можно было увидеть отблески чужих миров, чужих жизней, чужих катастроф.

Корабль мягко опустился на поверхность — если это можно было назвать поверхностью. Она была не твёрдой, не жидкой, а чем-то средним, как застывший дым.

Двери шлюза открылись.

И город встретил их молчанием.

Это молчание было не пустотой — оно было наполнено. В нём звенели шёпоты миллиардов голосов, эхо исчезнувших цивилизаций, крики тех, кто когда-то тоже пересёк эту грань и не вернулся. Сфера слушала. Сфера запоминала. Сфера коллекционировала.

Капитан Арден первым шагнул наружу. Его ботинки коснулись поверхности, и звук был странным — не стук, а скорее вздох. Он обернулся, посмотрел на команду, и в его глазах Кира увидела то, что редко позволял себе показывать даже он: страх. Но поверх страха было что-то ещё — решимость.

— Мы здесь не гости, — тихо произнёс он, будто говорил не с командой, а с самим городом. — Мы здесь, чтобы узнать правду. И мы не позволим этому месту забрать нас.

Кира кивнула. Её пальцы сжались в кулаки, но голос был твёрдым:

— Тогда идём. Пока оно не решило, что мы уже стали частью его коллекции.

Они двинулись вперёд, по улице, которая изгибалась, как змея, и тени скользили вдоль стен, наблюдая. Где-то вдалеке, там, где город сливался с бесконечной тьмой, мерцал слабый свет — будто далёкий маяк или ловушка.

Сфера ждала.

Но на этот раз она ждала не просто гостей. Она ждала тех, кто осмелится не стать эхом.

Глава 4. «Город, который дышит»

Город не просто стоял в темноте — он жил. Дышал. Наблюдал.

С каждым шагом улицы меняли направление, будто пытались ускользнуть от взгляда. Кира шла первой, держа в руке портативный сканер, который больше не показывал координат — только хаотичные всплески данных, похожие на сердцебиение чего-то огромного. Каждый раз, когда она задерживала взгляд на одном и том же перекрёстке дольше нескольких секунд, линии домов сдвигались, углы становились острее, а тени — гуще, словно город запоминал, куда она смотрит, и подстраивался, чтобы сбить с толку.

— Не смотри слишком долго, — предупредил капитан Арден, идя следом, сжимая рукоять импульсного пистолета так, будто надеялся, что оружие поможет там, где бессильна логика. — Говорят, если долго смотреть на тень, она начинает смотреть в ответ.

Кира кивнула, не отрывая взгляда от земли. Под ногами поверхность была не твёрдой, а вязкой, как застывший дым: при каждом шаге раздавался тихий, почти неразличимый вздох — будто город чувствовал их присутствие и реагировал.

Доктор Фейн шёл последним, бормоча себе под нос формулы, которые уже не имели смысла в этой геометрии. Он то и дело останавливался, водил рукой по стенам, покрытым странной текстурой — не штукатуркой, не металлом, а чем-то, что напоминало застывшие сгустки тьмы.

— Это не построено, — тихо произнёс он, касаясь стены. — Это выращено. Как кристалл из пустоты. Здесь нет ни кирпичей, ни балок — только форма, которую тьма приняла по чьей-то воле.

Они свернули за угол — и улица исчезла. Вместо неё перед ними выросла стена, изгибающаяся внутрь, как воронка. Капитан выругался сквозь зубы, но Кира уже заметила едва уловимое движение: стена не была неподвижной. Она пульсировала, совсем чуть-чуть, в ритме, который не совпадал с их собственным пульсом.

— Оно подстраивается, — прошептала Кира. — Оно чувствует, куда мы хотим пойти, и меняет путь.

Арден прищурился, глядя на изгиб стены.

— Значит, не будем хотеть. Пойдём туда, куда не хочется.

Он резко развернулся и пошёл в противоположную сторону — туда, где, казалось, вообще не было прохода. И проход появился. Не сразу, а постепенно: тени расступились, образуя узкий коридор, стены которого были покрыты странными узорами — то ли письменами, то ли следами чьих-то пальцев, вдавленных в тьму.

Через несколько минут они вышли на площадь. Или то, что когда-то было площадью. Теперь она напоминала искажённое отражение земного города: здания стояли под неестественными углами, окна были чёрными провалами, а крыши уходили вниз, будто гравитация здесь работала иначе. Среди этих чуждых форм Кира заметила что-то знакомое — очертания, слишком похожие на улицы Токио, но искажённые, как в кошмарном сне: высоты были скручены в спирали, фасады покрыты трещинами, из которых сочилась густая, маслянистая тень.

— Смотрите, — тихо сказал Фейн, указывая на руины здания, напоминающего старую исследовательскую станцию. — Это... это похоже на земную архитектуру. Но не копия. А эхо.

Они вошли внутрь. Внутри пахло озоном и чем-то ещё — чем-то древним, затхлым, как запах забытых воспоминаний. Пол был покрыт слоем пыли, которая не оседала, а висела в воздухе, медленно кружась, будто в невидимом вихре. В центре комнаты стоял старый терминал, экран которого мерцал слабым светом.

Фейн бросился к нему, пальцы забегали по клавиатуре, но система не откликалась на стандартные команды. Тогда он попробовал ручной ввод, и экран вдруг ожил, показав строку текста, написанную на английском, но с ошибками, будто кто-то печатал в спешке, дрожащими руками:

«Не называйте его вслух. Оно слышит. Оно забирает тех, кто даёт ему имя. Мы думали, что изучаем его. Но оно изучает нас. И уже почти закончило».

Под записью была дата — три года назад. И подпись: «Экспедиция „Порог“».

Кира почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Они были здесь, — прошептала она. — И они знали, что это не просто объект. Это разум. И он слушает.

Капитан Арден медленно опустил пистолет, оглядываясь по сторонам, будто ожидая, что из темноты вот-вот появится тот, кто оставил эту запись.

— Значит, мы не первые, — тихо произнёс он. — И, возможно, не последние. Но если мы будем кричать, оно услышит. Если будем молчать — может, пронесёт.

Фейн закрыл лицо руками, потом резко опустил их, глаза его горели странным огнём — смесью ужаса и восторга.

— Понимаете, — прошептал он, — оно не просто собирает цивилизации. Оно собирает мысли. Воспоминания. Страхи. Оно превращает их в архитектуру. Эти здания — это чьи-то сны. Эти улицы — чьи-то кошмары. Мы ходим по чужим жизням.

Кира посмотрела на стену, где тени складывались в очертания лиц — знакомых и незнакомых, живых и давно умерших. Она вдруг поняла: город не просто копировал реальность. Он копировал сознание. И каждый шаг, который они делали, оставлял след не на полу, а в их собственных воспоминаниях.

— Нам нужно двигаться дальше, — твёрдо сказал Арден. — Но тихо. Без имён. Без лишних слов. Пока оно не решило, что мы готовы стать частью его коллекции.

Они вышли из лаборатории, оставив позади мерцающий экран и последнее предупреждение. Улица снова изменилась, теперь она вела к высокой башне, вырастающей из тьмы, как чёрный шип. На вершине мерцал слабый свет — то ли маяк, то ли ловушка.

Город дышал. И с каждым вдохом он становился всё ближе к тому, чтобы поглотить их целиком.

Но они шли вперёд. Потому что остановиться значило сдаться. А сдаться — значит стать ещё одним эхом в бесконечной галерее теней.

Глава 5. «Эхо чужих цивилизаций»

Путь к центру города стал испытанием на прочность не столько тела, сколько разума. Улицы теперь не просто меняли направление — они предлагали варианты: стоило команде свернуть налево, как справа возникал проход, слишком похожий на тот, которым они шли минуту назад; стоило обернуться, как позади вырастала стена, которой мгновение назад не было. Казалось, город играл с ними, как кот с пойманной тенью, и каждый поворот мог стать последним.

Кира шла, стараясь не задерживать взгляд ни на чём дольше пары секунд. Она знала: если дать городу время, он начнёт показывать то, что ты боишься увидеть. И всё же краем глаза она замечала мелькающие силуэты — не тени, а обрывки движений, застывшие в воздухе, как кадры из старого фильма, прокрученного на половинной скорости.

— Здесь кто-то был, — тихо произнёс доктор Фейн, проводя рукой по воздуху там, где мелькнул едва уловимый контур. — Не просто следы. А... отпечатки. Как будто пространство запомнило каждое движение, каждое слово, каждый вздох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.